

В тот вечер, после ужина, когда Ван Шоучжи тонко спросил ее, когда она планирует уйти, Цянь Шу Лань была прямолинейна: «Я ухожу завтра. Однако нам нужно обсудить вопрос о деньгах на содержание». Она указала на закрытую дверь: «Приведи Ли Цай Ин».

Лицо Ван Шоучжи побагровело, когда он был пристыжен, осознав, что его мать точно знала, кто имеет власть в их доме.

Тем временем Ли Цай Ин, подслушивавшая в коридоре, не могла не улыбнуться. Она ждала этого момента, с нетерпением, ожидая, когда ее свекровь уйдет навсегда. Однако ее радость была недолгой, когда она услышала о деньгах.

Вскоре после этого старушка позвала ее. Не колеблясь, Ли Цай Ин толкнула дверь и вошла.

Цянь Шу Лань не стала ходить вокруг да около и прямо сказала: «Пятьдесят юаней в год, не больше, чем раньше. Но с моими старыми костями я не могу ездить туда-сюда каждый год. К тому же нашей производственной группе тоже нужны рабочие. Я и так отсутствовала так много дней, что это задержало мои рабочие баллы. Как насчет того, чтобы вы заплатили мне сразу за пять лет, чтобы мне не пришлось возвращаться туда-сюда?»

Ей нужны были деньги, чтобы купить больше еды. Во время голода наличие дополнительной еды могло бы спасти жизнь. Она слышала, что в такие времена некоторые люди могли даже обменять десять кэtti зерна на красивую женщину. Может быть, она могла бы сделать то же самое и обменять зерно на временных рабочих. Таким образом, ее статус повысился бы.

Ван Шоучжи нашел предложение разумным, но Ли Цай Ин не хотела, чтобы ее свекровь так легко добилась своего.

Она уже хотела машинально возразить, но Цянь Шу Лань, казалось, угадала ее мысли.

Она отступила на шаг и сказала: «Если ты заплатишь мне сразу за пять лет, это будет удобнее. Ты же не хочешь, чтобы я время от времени беспокоила тебя из-за платы за содержание, не так ли? Если ты согласишься, эта старая деревенская женщина приедет и присоединится к твоей повседневной жизни, и я не буду против. Кстати, жизнь в городе действительно лучше, чем в деревне. Нет необходимости работать в поле, только убирать и готовить каждый день. Это действительно довольно легко».

Пока пожилая женщина продолжала нести чушь, беспокойство Ли Цай Ин росло. Казалось, она не собиралась уходить. Торопливо порывшись в кошельке, Ли Цай Ин достала деньги, чтобы отдать их Цянь Шу Лань. Последние несколько дней были совершенно ужасными, старуха постоянно препиралась и создавала проблемы. Этого было достаточно, чтобы в одно мгновение закипела кровь.

Взяв деньги, Цянь Шу Лань не могла не ухмыльнуться. «Иди, я вернусь завтра».

Ван Шоучжи колебался, желая сказать матери, что он организует для нее повозку на следующий день. Однако Ли Цай Ин уже схватил его за руку и потащил прочь. Ван Шоучжи выглядел беспомощным, его рот был полуоткрыт, когда он отступал.

Цянь Шу Лань посмотрела на деньги в своей руке и не могла не пожалеть первоначальную владелицу этого тела. Казалось, ее сын действительно был безнадежно неисправим.

Перевоспитать Ван Шоучжи не составит большого труда. Он терпел присутствие Ли Цай Ина столько лет просто ради своей работы, показывая, что работа для него важнее всего. Если бы его мать могла помочь ему найти работу, его чувство сыновней почтительности, несомненно, возросло бы.

Разобраться с этим вопросом в обычных обстоятельствах было бы довольно сложно. Однако с надвигающимся голодом в следующем году и повсеместной нехваткой продовольствия будет много возможностей.

У Цянь Шу Лань была дилемма. Она знала, что сможет перевоспитать этого человека, но методы казались ей слишком суровыми. Она просто не могла решиться.

Первый вариант: развод. Ли Цай Ин была высокомерна, как павлин, и испытывала врожденную неприязнь к своей свекрови. Она не слушала ни слова, сказанного Цянь Шу Лань. Более мягкий подход был бессмысленным. Только через развод она могла привести новую невестку для перевоспитания. В конце концов, в первоначальном тексте упоминалось только исправление сына и невестки, без указания того, что невесткой должна быть Ли Цай Ин. Так-то вот...

Однако развод был бы тяжелым ударом как для женщины, так и для ее ребенка. Кроме того, опасаясь, что Ван Шоучжи, будучи ненадежным человеком, обвинит ее, она колебалась.

Второй вариант: подрезать крылья Ли Цай Ин, лишив ее всех ее павлиньих перьев, чтобы лишить ее гордости. Но лично совершить такой подлый поступок, казалось, противоречило принципам Цянь Шу Лань.

Поэтому она решила позволить времени оттачивать свое мастерство.

Не говоря уже о том, что в следующем году страну поразит голод. В то время как сельская местность все еще могла бы добывать дикие овощи и грызть кору деревьев, что произойдет в городе?

Не придется ли им умолять пустить их в деревню?

Разве ее вмешательство не принесло бы в то время результатов, превышающих все ожидания?

В надежде заставить Ван Шоучжи почувствовать себя виноватым, Цянь Шу Лань решила

добровольно уйти. Это был не самый смелый поступок, но она решила, что немного унижения сейчас того стоит, если это означает достижение ее цели.

Она решила, что в любой карьере нужно столкнуться с определенной степенью унижения.

На следующее утро, еще до восхода солнца, Цянь Шу Лань приготовила себе миску лапши. Утолив голод, она собрала свои вещи и вышла из семейного поместья.

Уходя, она бросила на Ван Шоучжи тяжелый, неодобрительный взгляд, затем, не произнеся ни слова, повернулась спиной и пошла дальше.

Ван Шоучжи почувствовал острую боль в сердце, подумывая о том, чтобы погнаться за ней и найти повозку, чтобы отправить свою мать обратно.

Но Ли Цай Ин, стоявшая рядом с ним, крепко держалась за его руку, выпрямившись, как победивший петух: «Эта старая ведьма наконец-то ушла! Я думала, она останется здесь на всю оставшуюся жизнь».

Как только слова Ли Цай Ин достигли ушей Ван Шоучжи, его голова резко повернулась, открыв огненный взгляд. Застигнутая врасплох, Ли Цай Ин на мгновение заколебалась, прежде чем разразиться тирадой.

«Ван Шоучжи, что за агрессивное поведение? Ты что, не помнишь, кто ты? Как ты смеешь так на меня смотреть, словно ты отрастила пару зубов, съел сердце медведя и желчь леопарда!» Она оскалила зубы, выпустив когти, готовая наброситься.

Испугавшись ее вспышки, вместо того, чтобы позволить ей избить его, как обычно, Ван Шоучжи сумел оттолкнуть ее, зарывав в ответ: «Ты землеройка!»

Это единственное оскорбление зажгло огонь в Ли Цай Ин. Ее глаза покраснели от ярости, и она набросилась на Ван Шоучжи с убийственным намерением.

Насколько бы честным или трусливым ни был мужчина, наступает момент, когда он больше не может выносить публичное унижение, нанесенное женщиной. Особенно Ван Шоучжи, который гордился своим чувством собственного достоинства...

<http://tl.rulate.ru/book/117753/5074970>